

Хэ Дачжуан, не доходя до Цзинь Жуя, опустил Мянью на пол. Пёсик жалобно потерялся о его ногу, а он, погладив её по голове, направился к Цзинь Жую.

Мянью, словно понимая ситуацию, устроилась в углу, печально следя за Хэ Дачжуаном.

Цзинь Жуй сидел на диване, расслабленно смотря телевизор.

Хэ Дачжуан подошёл и сел рядом. Цзинь Жуй обнял его сзади и спросил:

— О чём говорил с доктором Гоу?

Хэ Дачжуан рассказал кое-что из их беседы, но, естественно, многое утаил.

Цзинь Жуй, конечно, знал это, но не стал углубляться в детали.

Прижавшись к Цзинь Жую, Хэ Дачжуан после паузы заговорил:

— Молодой господин, я хочу кое-что обсудить.

Цзинь Жуй равнодушно хмыкнул, продолжая есть манго.

Хэ Дачжуан опустил глаза, нервно потирая пальцы:

— Я хочу отдать Мянью доктору Гоу.

Цзинь Жуй лишь произнёс:

— Почему?

Хэ Дачжуан не мог понять, что скрывается за таким отношением, и потому продолжил заранее подготовленную речь:

— У меня нет времени за ней ухаживать. Сейчас я занят тренировками по стрельбе, а после начала учёбы времени станет ещё меньше. Хочу позже, когда появится возможность, завести собаку и заботиться о ней как следует.

Цзинь Жуй снова кивнул, поднёс кусочек манго к губам Хэ Дачжуана и сказал:

— Не хочешь — не заводи. Подарок твой, делай с ним что хочешь.

Прожевав манго, Хэ Дачжуан вдруг подумал, что, возможно, Цзинь Жуй не такой, как описал его доктор Гоу?

Ведь он же сказал, что Мянью — его собака, и он может поступать с ней как пожелает.

Однако он всё же не решался оставить Мянью в доме Цзинь. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, если слова доктора Гоу окажутся правдой.

После обеда Хэ Дачжуана снова отвели в тренировочный зал. На этот раз без Мянью.

Доктор Гоу забрал собаку, и Хэ Дачжуан до сих пор вспоминал взгляд дворецкого Цзинь, когда тот смотрел вслед доктору.

Дворецкий Цзинь любил доктора Гоу? Или нет?

— Сосредоточься. Сегодня тренировка такая же, как вчера: стреляй в сердце и голову манекена. Но сегодня, если не выполнишь задание, тебя ждёт наказание.

Цзинь Жуй улыбался, стоя рядом.

Хэ Дачжуан невольно вспомнил его слова вчера: за каждый промах — десять уколов.

Цзинь Жуй, словно читая его мысли, с улыбкой достал из кармана иглу длиной около десяти сантиметров и, глядя на Хэ Дачжуана, произнёс:

— Промажешь — получишь десять уколов.

Рука Хэ Дачжуана дрогнула, и он уже чувствовал тупую боль, хотя игла ещё не коснулась его кожи.

Дворецкий Цзинь, стоя в стороне, без эмоций напомнил:

— Молодой господин Хэ, сосредоточься. Смотри вперёд.

Хэ Дачжуан глубоко вдохнул, устремив взгляд на цель. Нельзя промахнуться, нельзя... Раздался выстрел, и пуля попала прямо в сердце манекена.

Хэ Дачжуан с облегчением выдохнул. Слава богу.

Но Цзинь Жуй тут же сказал:

— Продолжай.

Хэ Дачжуан выстрелил снова, но на этот раз пуля попала в ребро манекена. Рука его дрогнула, и он посмотрел на Цзинь Жуй.

Цзинь Жуй с улыбкой встал и направился к нему.

Хэ Дачжуан почувствовал желание убежать, но ноги словно приросли к полу.

Цзинь Жуй подошёл, медленно взял его руку и начал рассматривать.

Хэ Дачжуану стало не по себе. Он бы предпочёл, чтобы Цзинь Жуй просто схватил его руку и уколол. Но вместо этого тот держал его руку, смотря на него с каким-то нежным выражением.

Этот взгляд, полный любви, словно говорящий, как сильно он его любит. Но в следующую секунду он мог без колебаний вонзить нож. От одной мысли об этом Хэ Дачжуану стало жутко.

Он смотрел, как Цзинь Жуй медленно подносил иглу к его пальцу. Он даже чувствовал, как остриё прокалывает кожу и постепенно входит в плоть.

Если бы Цзинь Жуй быстро и резко уколол его, Хэ Дачжуан бы даже не почувствовал боли. Но этот медленный, методичный процесс заставлял его чувствовать, как боль пронзает весь палец.

Хэ Дачжуан стиснул зубы, стараясь не дрожать.

Цзинь Жуй поднял глаза и спросил:

— Болит?

Хэ Дачжуану хотелось закричать: «Сам попробуй!»

Но в итоге он лишь стиснул зубы и ответил:

— Нет!

Цзинь Жуй улыбнулся, вытащил иглу, и кровь тут же выступила из ранки.

Он сжал брови, словно сочувствуя, и спросил:

— Болит?

Хэ Дачжуану хотелось швырнуть кровь ему в лицо. Прекрати это мерзкое поведение!

Но прежде чем он успел ответить, ещё один укол обрушился на то же самое место. Хэ Дачжуан вздрогнул от неожиданности, боль пронзила его.

Он инстинктивно попытался вырвать руку, но Цзинь Жуй, этот извращенец, крепко держал её. Хэ Дачжуан мог лишь наблюдать, как кровь сочится из одного и того же места.

Цзинь Жуй усмехнулся:

— Уже не можешь терпеть?

Хэ Дачжуану хотелось заорать: «Чёрт возьми, ты же колошматишь в одно и то же место! Конечно, больно!»

Но Цзинь Жуй, казалось, наслаждался этим, каждый раз попадая в ту же точку.

Хэ Дачжуан смотрел на свой палец, уже покрасневший от крови, и стиснул зубы. Боже, как больно.

Цзинь Жуй с усмешкой наблюдал за его напряжённым лицом, убрал иглу и сказал:

— Ты уже взрослый, а не можешь терпеть такую мелочь.

Хэ Дачжуан даже не стал отвечать.

Цзинь Жуй продолжил:

— Когда я был в твоём возрасте, мне кололи руки так, что не оставалось живого места, но я даже не плакал.

Хэ Дачжуан молча взял салфетку и пластырь, которые протянул ему дворецкий Цзинь, и мысленно выругался: «Думаешь, все такие же извращенцы, как ты?»

Цзинь Жуй погладил его по голове:

— Продолжай тренироваться. Будь хорошим мальчиком, сосредоточься.

Хэ Дачжуан сжал пистолет, представляя, как бы он выстрелил в Цзинь Жуй и покончил с этим раз и навсегда.

Но в итоге он лишь поднял руку, прицелился в манекен, глубоко вдохнул и успокоил себя.

Пальцы всё ещё болели, но боль была терпимой.

За время, проведённое в доме Цзинь, Хэ Дачжуан научился терпеть боль лучше, чем раньше.

Цзинь Жуй иногда начинал издеваться над ним, не обращая внимания на его чувства, лишь бы самому получить удовольствие.

Боль в том месте была сравнима с болью в пальцах, и Хэ Дачжуан уже привык к ней.

Но то, что он мог терпеть, не означало, что он не чувствовал боли. Вспоминая, как Цзинь Жуй методично колот одно и то же место, он снова выругался: «Настоящий извращенец!»

Весь день Хэ Дачжуан тренировался в стрельбе. Он не только улучшил свои навыки, но и испытал, что такое настоящая боль.

Цзинь Жуй, этот извращенец, умудрился исколоть все десять пальцев, каждый раз попадая в одну и ту же точку.

Один палец он мог терпеть, два, три — тоже. Но когда Цзинь Жуй добрался до последнего пальца, Хэ Дачжуан, то ли из-за психологического давления, то ли по другой причине, почувствовал, что боль стала невыносимой. Его рука дрожала.

Но Цзинь Жуй не сжалился, продолжая колоть в ту же точку.

К счастью, день подошёл к концу, и Цзинь Жуй, похоже, наигрался. Закончив, он взял Хэ Дачжуана за руку и повёл в комнату.

Хэ Дачжуан думал, что наконец сможет отдохнуть, но, когда он устало закрыл глаза в ванне, почувствовал, что кто-то приблизился.

Он резко открыл глаза и увидел Цзинь Жуя, стоящего рядом с улыбкой на лице.

Хэ Дачжуан хотел выпрыгнуть из ванны, но Цзинь Жуй сказал:

— Не двигайся.

Хэ Дачжуан замер, напрягшись, и молча смотрел на Цзинь Жуя. Он знал, что тот хочет.

Он инстинктивно поджал ногу, пытаясь прикрыть интимное место.

Но Цзинь Жуй лишь улыбнулся и сказал:

— Раздвинь ноги.

Лицо Хэ Дачжуана побелело. Он стиснул зубы, раздвинул ноги и закрыл глаза, не желая видеть происходящее.